

Изъ старыхъ дѣлъ ¹⁾.

I.

Преступная мысль.

(Архивъ Правительствующаго Сената. Дѣло 1798 года).

28 декабря 1798 года, въ г. Псковѣ, бывший прокуроръ Псковской Верхней Расправы, отставной капитанъ Петръ Степановичъ Сумароцкій праздновалъ свои именины. Выпить всегда онъ любилъ, въ этотъ же день онъ выпивалъ по нѣсколько чарокъ съ каждымъ, приходившимъ къ нему съ поздравленіемъ, знакомымъ. Поэтому, когда пришло время садиться за столъ съ приглашенными къ обѣду гостями, онъ уже сильно пошатывался.

Во время обѣда нельзя было не пить. Пили за его здоровье, за здоровье молодой жены его, Елизаветы Ивановны, и за здоровье cadaго изъ гостей. Къ концу обѣда хозяинъ былъ совершенно пьянъ. Вставъ изъ-за стола, онъ добрался до кресла, грузно шлепнулся въ него и, подперевъ голову рукой, задумался. Вообще, несмотря на шумное веселье, онъ былъ все время мраченъ. Замѣтно было, что его угнетаетъ какая-то неотвязчивая мысль.

Гости тоже не мало выпили. Одинъ изъ нихъ, землемѣръ Готовъ, еле добрался до ближайшей комнаты, опустился на диванъ и сейчасъ же уснулъ. Другіе ушли домой. Остался лишь одинъ маіоръ Жукановъ, который „занимался играть на скрипкѣ, а жена Сумароцкаго веселостью—пляскою“.

¹⁾ См. „Русская Старина“ ноябрь 1913 г.

Жукановъ игралъ, ховяйка плясала, а хозяинъ все продолжалъ сидѣть, молча, погруженный въ свои мысли.

Уставъ плясать, Сумароцкая присѣла отдохнуть. Жукановъ положилъ скрипку на столъ и взглянулъ на хозяина. Увидѣвъ, что онъ не спитъ, подошелъ къ нему.

— О чемъ это ты, такъ задумался, Петръ Степановичъ? спросилъ онъ.

— Я хочу что-то сдѣлать, едва ворочая языкомъ, отвѣтилъ хозяинъ. Ты не знаешь, Герасимъ Ефимовичъ, что случилось. Вчера я получилъ изъ Петербурга наддраное письмо. Такъ вотъ это письмо я хочу прибить къ шлагбауму.

— Да, вѣдь, тамъ стоитъ часовой, который проходящихъ людей опрашиваетъ. Онъ не позволитъ.

На это замѣчаніе Сумароцкій ничего не отвѣтилъ.

— Гдѣ же это письмо?

— У жены.

Послѣ этихъ словъ хозяинъ откинулся въ глубь кресла и сталъ дремать.

— О какомъ письмѣ говоритъ Петръ Степановичъ? спросилъ Жукановъ у хозяйки.

— Развѣ не видите, что онъ пьянъ, отвѣтила она. Никакого письма нѣтъ и онъ болтаетъ вздоръ. Сыграйте-ка лучше плясовую.

Маіоръ заигралъ, и хозяйка заплясала. Хозяинъ, подремавъ въ креслѣ, приподнялся, добрелъ кое-какъ до спальни и бросился, не раздѣваясь, на постель.

— Вотъ возьму, да и прибью къ шлагбауму, бормоталъ онъ. Вотъ такъ!..

Проговоривъ это, онъ ударилъ кулакомъ по стѣнѣ. Замахнулся было и еще, но рука бессильно опустилась. Сумароцкій погрузился въ глубокой сонъ.

Для того, чтобы объяснить, какъ это было, производившее на Сумароцкаго такое сильное впечатлѣніе, наддраное письмо, необходимо раньше познакомиться съ его личностью.

Какъ дворянинъ онъ служилъ въ военной службѣ и былъ уволенъ капитаномъ къ статскимъ дѣламъ. Въ 1789 году онъ былъ назначенъ прокуроромъ Псковской Верхней Расправы. Не долго, однако, онъ пробылъ въ этой должности, — всего три года.

Никакой собственности Сумароцкій не имѣлъ, покутить же любилъ. Жизни безъ картъ и билліарда онъ не понималъ. Какъ искусный игрокъ, онъ обыкновенно обыгрывалъ своихъ партнеровъ, преимущественно изъ купцовъ, но иногда бывали случаи,

что и онъ сильно проигрывался, въ особенности когда напивался. Жена, у отца которой было имѣніе и которая имѣла нѣсколько человѣкъ собственныхъ крѣпостныхъ, на кутежи денегъ ему не давала. Конечно, получаемаго имъ жалованья ему никогда не хватало. Поэтому онъ, какъ человѣкъ не особенно высокой нравственности, не только полюбилъ дары доброхотныхъ дателей, но и сталъ вымогать деньги отъ разныхъ, прикосновенныхъ къ дѣламъ, лицъ. Обыватели, сначала молча, переносили эти накладные расходы, но потомъ, когда убѣдились, что, несмотря на дары, дѣла рѣшались не въ ихъ пользу, стали подавать на него жалобы.

Сумароцкій между тѣмъ продолжалъ брать взятки открыто, не стѣсняясь. Зашелъ онъ какъ-то въ лавку мѣщанина Голованова, который въ это время продавалъ соль крестьянамъ. Замѣтивъ обвѣсъ на четверть фунта, Сумароцкій пригрозилъ Голованову судомъ. Тотъ сейчасъ же далъ ему 20 рублей. Получивъ деньги, Сумароцкій возбудилъ все-таки противъ Голованова уголовное преслѣдованіе. Тогда Головановъ заявилъ о взяткѣ. Начальство отнеслось къ Сумароцкому снисходительно и на этотъ разъ и, въ виду того, что дѣло было возбуждено лично Сумароцкимъ, жалобу Голованова оставило безъ послѣдствій.

Вскорѣ на него наступила еще жалоба отъ, обвиняемой въ убійствѣ, колодницы крестьянки Дарьи Сергѣевой, по прозвищу Минихи. Произведеннымъ разслѣдованіемъ Сумароцкій былъ изобличенъ въ томъ, что онъ выпускалъ изъ острога Миниху „не для прошенія на улицахъ милостыни“, а для того, чтобы она добыла и дала ему 500 рублей. На этотъ разъ начальство не оставило поступокъ его безнаказаннымъ и наложило на него штрафъ въ 100 рублей.

Вспыльчивый и невоздержанный Сумароцкій разолился. Зная грѣхи своихъ сослуживцевъ и нѣкоторыхъ изъ начальствующихъ лицъ, онъ написалъ на нихъ доносъ. Послѣдствія этого доноса для Сумароцкаго были самыя неожиданныя. Онъ получилъ бумагу, въ которой, между прочимъ, говорилось, что онъ, „какъ виновный во многихъ недѣльныхъ извѣтахъ и яко помѣшается добрыхъ порядковъ общаго покоя, отрѣшается отъ должности“. Указъ оканчивался словами: „и впредь не принимать и 100 рублей штрафу“.

Потерявъ службу, Сумароцкій окончательно опустился. Весь день съ утра онъ проводилъ въ трактирахъ и возвращался домой всегда пьянымъ. Иногда, при удачной игрѣ, у него бы-

вали большія деньги, въ случаѣ же неудачи, онъ потихоньку отъ жены закладывалъ вещи. Ежедневные упреки жены въ бездѣльничаньи ему очень надоѣли, и онъ сталъ подавать просьбы объ опредѣленіи его вновь на службу. На службу, однако, его больше брать не хотѣли. Тогда онъ послалъ прошеніе на Высочайшее имя въ Петербургъ. Наканунѣ своихъ именинъ Сумароцкій получилъ изъ Петербурга отвѣтъ. Прошеніе его было возвращено ему „съ наддраніемъ“.

Прославшись и опохмѣлившись на другой день послѣ своихъ именинъ, Сумароцкій отправился въ трактиръ. Повидимому, онъ примирился съ своимъ положеніемъ. Жизнь его потекла обычнымъ порядкомъ.

Прошло полтора мѣсяца. 12 февраля 1799 года Сумароцкій былъ пьянъ съ утра. Возвратившись домой къ обѣду, онъ сталъ ссориться съ женой. Подойдя къ столу, онъ схватилъ тарелку и бросилъ ее на полъ. Крикъ жены и трескъ разбившейся тарелки привелъ его въ ярость, и онъ съ остервенѣніемъ сталъ бить всю, стоявшую на столѣ, посуду. Крѣпостная дѣвка, Акулька, бросилась спасать остатки. Сумароцкій подскочилъ къ ней, схватилъ ее за косу, повалилъ на полъ и сталъ бить ее ногами.

Чаша терпѣнія жены его переполнилась. Она быстро одѣлась и побѣжала съ жалобой на мужа къ коменданту.

— Мужъ непрестанно обрѣтается въ пьянствѣ, жаловалась она коменданту.

— А вы не давайте ему денегъ.

— И то не даю. Онъ же все изъ дома потихоньку тащитъ. Образъ благословенный, золотой съ алмазами, заложилъ.

— Вотъ это непохвально.

— Буйствуетъ и чинитъ несносные побои моимъ крѣпостнымъ людямъ. Сегодня разбилъ сервизъ и побилъ мою дѣвку.

— Проспится, успокоится и попроситъ у васъ прощенія, успокаивалъ ее комендантъ.

— А пока можетъ учинить смертоубійство.

— Ну, какое тамъ смертоубійство?!

— Я боюсь. Онъ отчаянный.

— Ужъ, будто и отчаянный? шутилъ комендантъ, крути усы и поглядывая на красивую Сумароцкую.

— Конечно, отчаянный. Вы его не знаете. Я вамъ сейчасъ докажу. Прошеніе, поданное имъ на Высочайшее имя и возвращенное ему съ наддраніемъ, онъ грозитъ прибить къ плаг-

бауму для позорища. Пусть, говоритъ, каждый знаетъ о несправедливости начальства.

Комендантъ мгновенно выпрямился. Лицо его приняло строгое выраженіе. Кликнувъ изъ сосѣдней комнаты аудитора, онъ приказалъ написать ему прошеніе отъ имени Сумароцкой.

Какъ только прошеніе Сумароцкой было подписано, комендантъ послалъ за ея мужемъ.

Прежде всего у доставленнаго къ коменданту Сумароцкаго была отобрана шпага, а затѣмъ онъ былъ обысканъ и посаженъ на гауптвахтѣ подъ арестъ „въ предупрежденіе дерзкихъ поступковъ“.

Донося о преступленіи Сумароцкаго начальству, комендантъ, между прочимъ, упоминалъ, что „Сумароцкій занимается здѣсь въ городѣ единою забавою, обыгрывать въ билліардную и картежную игру на немалыя суммы“. Поэтому онъ, руководствуясь указаніемъ устава о томъ, чтобы „стараться комендантамъ истреблять всякаго рода, на большія суммы, игры“, отобралъ у Сумароцкаго и уничтожилъ векселя на 800 рублей, выданные Сумароцкому купцомъ Черновымъ, который былъ обыгранъ имъ на 2 тысячи рублей.

Противъ Сумароцкаго было возбуждено уголовное преслѣдованіе въ 1 департаментѣ Псковской Палаты Суда и Расправы.

Сумароцкій, не признавая себя виновнымъ, показалъ, что онъ никогда не думалъ прибить наддраное письмо къ шлагбауму и никому объ этомъ не говорилъ. Это была лишь выдумка его жены, которая „рѣшилась злосердіе свое обнаружить, ибо едва ли могло гдѣ-либо, во всей вселенной, подобной жены противу мужа случиться поступокъ. Онъ же не могъ имѣть малѣйшес вѣроподобіе дерзнуть на таковое разсудку его и совѣсти, несвойственное и тѣмъ болѣе долгу и присяги вѣрноподданнаго несоотвѣтствующее предпріятіе“. Во всякомъ случаѣ, добавлялъ Сумароцкій, жена должна была донести своевременно.

Послѣ этого заявленія арестована была и Сумароцкая.

Оправдываясь, она показала, что своевременно донести о помыслахъ мужа она не могла потому, что онъ ее изъ дома никуда не отпускалъ.

Въ опроверженіе этого объясненія судомъ было выведено на справку, что она, во-первыхъ, ходила безъ разрѣшенія мужа съ жалобой къ коменданту, и во-вторыхъ, вѣдила послѣ арестованія мужа къ своему отцу въ имѣніе.

Донось на мужа Сумароцкой никто изъ бывшихъ у нихъ въ гостяхъ не подтвердилъ. Одинъ только маіоръ Жувановъ по-

казалъ, что пьяный Сумароцкій сказалъ, что хочетъ прибить письмо къ шлагбауму, но какое именно письмо, не говорилъ.

9 марта 1799 года Псковская Палата Суда и Расправы, приступая къ разрѣшенію дѣла, прежде всего сдѣлала ссылку на законы. Указанъ былъ 20 пунктъ 3 главы артикуловъ, въ которомъ говорилось: „кто противъ Его Величества Особы хулительными словами погрѣшитъ, Его дѣйство и намѣреніе превратить и непристойнымъ образомъ о томъ разсуждать будетъ, оный имѣеть живота лишень быть и отсѣченіемъ главы казненъ быть. И кто нигдѣ не донесъ, а хотя и доносить будетъ да поздно и тѣмъ время упустить, оному чинить смертную казнь безъ всякія пощады“.

Признавая Сумароцкаго и его жену виновными, Палата постановила: 1) заслужилъ онъ смертную казнь, но поелику указомъ 1754 г., сентября 30 дня чинить не повелѣно, то, лишивъ чиновъ и дворянства, чинить жестокое наказаніе кнутомъ и, заклепавъ въ кандалы, сослать въ работу въ Нерчинскъ и 2) жена донесла не въ тотъ и не въ другой день, а черезъ полтора мѣсяца и объяснила не изъ вѣрноподданнаго ее долгу и ревности, но изъ возродившагося уже въ ней на мужа неудовольствія, то, лишивъ ея чести и дворянства, тому же наказанію“.

1 апрѣля 1799 г. псковскій гражданскій губернаторъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ Беклешовъ, представляя дѣло въ Правительствующій Сенатъ, высказалъ свое мнѣніе, что „обстоятельство на Сумароцкаго недоказанное и слѣдовательно остается подъ сомнѣніемъ“.

Въ виду же того, что Сумароцкій „какъ посему, такъ и по прежнимъ дѣяніямъ и по образу жизни его, распутной и развратной, помрачающей званіе“, онъ полагалъ, что его слѣдуетъ сослать на житье. Что же касается до жены Сумароцкаго, онъ находилъ, что „намѣреніе состояло не въ такомъ содержаніи, въ какомъ приняла палата“. Тѣмъ не менѣе въ виду „доподлинной извѣстности, что она крайне безпокойнаго нрава и предосудительной жизни“, губернаторъ полагалъ, что ее слѣдуетъ тоже сослать.

23 мая 1799 года Правительствующій Сенатъ составилъ опредѣленіе, по которому онъ, считая преступленіе недоказаннымъ, полагалъ: Сумароцкому „вмѣнить содержаніе его подъ стражей, да нынѣ еще на 3 мѣсяца и въ томъ числѣ 3 недѣли на хлѣбъ и на водѣ“ и Сумароцкую освободить, „вмѣнивъ содержаніе подъ стражей“.

Докладъ по этому опредѣленію былъ отосланъ въ канцелярію генералъ-прокурора для Высочайшаго поднесенія.

3 іюля 1799 г. изъ общаго собранія Правительствующаго Сената поступило въ 4 департаментъ донесеніе о томъ, что „за дерзостныя изреченія“ повелѣно сослать Сумароцкаго въ Иркутскую губернію, а Сумароцкую въ Тобольскую.

6 февраля 1800 года Высочайше дозволено было: „Сумароцкую отпустить къ мужу въ Иркутскъ для совокупнаго житія“.

М. Ф. Чулицкій.

